
ПРОЦЕДУРЫ СБОРА ДАННЫХ

О.Б. Божков, С.Н. Игнатова
(Санкт-Петербург)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛЕВОГО ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ

В статье обобщается опыт трех генеалогических экспедиций (Тверская и Новгородская области), проведенных в рамках проекта, посвященного разработке принципов использования генеалогических деревьев при изучении социально-культурных трансформаций. Особое внимание акцентируется на методическом опыте по сбору генеалогической и биографической информации посредством современной электронной техники, а также по организации работы с интервьюерами.

Ключевые слова: биографическая информация, генеалогическое интервью, генеалогическое дерево, пакет программ «Генеалогист», полевая группа, интервьюер, отчет интервьюера.

О проекте в целом¹. Для постановки основной задачи проекта – разработки методологических и методических принципов использования генеалогических деревьев при изучении социально-

Олег Борисович Божков – исполняющий обязанности заведующего сектором социально-культурных изменений Социологического института РАН. E-mail: olegbozh@hotmail.com.

Светлана Николаевна Игнатова – научный сотрудник сектора проблем городского образа жизни Социологического института РАН. E-mail: s_ignatova@yandex.ru.

¹ Настоящая работа выполнена в рамках проектов «Организация и проведение экспедиции по сбору генеалогических и биографических данных о жителях среднего течения реки Молога», поддержанных РФФИ (гранты № 98-06-80308-а, 01-06-80410-а, 01-06-88023-к, 02-06-88015-к, 03-06-88021-к, 04-06-80208-а).

культурных изменений (трансформаций) – есть, по меньшей мере, две существенные причины. Во-первых, мы столкнулись с новым явлением – массовым интересом людей к собственной истории. В течение последних 10 лет выяснилось, что составлением личных генеалогических деревьев по самым разным причинам все-речь заинтересовались многие люди. Во-вторых, генеалогические деревья в отличие от других биографических материалов дают более широкую и динамичную панораму социальной жизни и, в частности, представления о преемственности и/или изменении социально-профессиональных статусов, о пространственных перемещениях, об изменении режима воспроизводства членов семей и семейных кланов.

Проект ориентирован на тщательный анализ постоянно пополняемой коллекции генеалогических деревьев. В содержательном плане из всех видов социально-культурных изменений в первую очередь мы решили сосредоточиться на исследовании процессов социальной трансмиссии и воспроизводства социальных характеристик в семье.

В мировой социологической практике генеалогические данные индивидуализированы, т.е. каждое генеалогическое дерево отображает семейно-родственные связи определенного лица. Существуют развитые каталоги генеалогий, электронные базы данных, включающие большое количество имен, а также компьютерные программы, поддерживающие формирование генеалогических деревьев и дающие возможность синхронизировать представления генеалогических данных с единой шкалой исторического времени. Однако эти программы не предоставляют возможности одновременного рассмотрения нескольких генеалогических деревьев, синхронного с индивидуальными событиями рассмотрения исторических, общезначимых событий. При анализе биографических и генеалогических данных зарубежные (как, впрочем, и отечественные) социологи постоянно апеллируют к историческим событиям, но делается это, на наш взгляд, весьма произвольно и не систематически. Более того, ни

методологически, ни теоретически не проработаны подходы к сопоставлению, анализу и интерпретации личных, семейных жизненных событий (ситуаций) и общезначимых исторических событий. В течение 1999–2000 гг. мы решали именно эти вопросы.

Одна из содержательных задач в рамках нашего проекта состояла в изучении механизмов функционирования социальной памяти. Поиски подходов к ее решению привлекли наше внимание к вопросу о том, насколько глубока историческая ретроспектива семейной памяти, а уже отсюда к генеалогическим деревьям. На одной из научных конференций в Словакии (1993 г.) мы впервые использовали понятие «массовая генеалогия» и докладывали об опыте создания коллекции генеалогических деревьев обычных людей. Впоследствии был приобретен опыт приведения «графики» генеалогических деревьев к относительно ясному (незапутанному) виду, а затем разработаны и довольно простые приемы описания, анализа и типологии деревьев.

Тем не менее, на создание работающей версии системы компьютерной поддержки построения и социологического анализа генеалогий ушло три года. К концу 2000 г. мы имели работающий вариант компьютерной технологии визуализации генеалогических деревьев. Кроме того, были разработаны общие принципы и алгоритмы их социологического описания и типологизации. Эти результаты нашли отражение в соответствующих публикациях [1; 2; 3]. И только в 2001 г. мы смогли приступить к отладке этой системы в полевых условиях.

Задачи экспедиции. В задачи «полевого» проекта были включены: 1) отладка в полевых условиях компьютерной программы «Генеалогист», предназначенной для построения родословных деревьев и организации биографической информации о каждом входящем в дерево персонаже; 2) отработка методики и техники генеалогического интервью с использованием современных электронных технологий (ноутбук, сканер, ксерокс, фото, аудио- и видеоаппаратура); 3) собственно сбор генеалогических и биографических данных.

Подобные полномасштабные проекты возможно осуществить, погрузившись только на довольно длительный срок в исследуемую среду. Мы выбрали иной путь сбора информации и решили опробовать редко применяемый в отечественной социологии метод исследования – экспедиция с участием большой группы интервьюеров. Опыт организации подобных экспедиций участники проекта не обладали. И каждый шаг являлся в данном случае поисковым. Осмысление результатов известных нам экспедиций являлось существенным подспорьем несмотря на то, что в литературе вопросы организации полевых исследований затрагиваются редко, а сложности, возникающие в ходе экспедиций, остаются, как правило, за рамками книг и статей.

Отдельно нужно подчеркнуть, что все тщательно учтенные и проработанные моменты организации полевых исследований могут дать трещину, как только включается самый важный, пожалуй, фактор – финансовая поддержка полевых работ. Зачастую исследователь вынужден строить конкретный план экспедиции, отталкиваясь именно от этого фактора.

В России подобные полевые исследования в сельской местности проводились в 90-е гг. исследовательской группой под руководством Т. Шанина [4]. Это было широкомасштабное исследование, построенное на стыке социологии, истории, экономики и этнографии. Изучалась картина повседневной жизни сельской семьи, история сельских семей и история российского села за довольно значительный промежуток времени – с послереволюционного периода до настоящих дней. Мы воспользовались этим опытом организации полевых исследований, изучили его. Но дело в том, что цели и задачи нашего проекта существенно расходились с целями и задачами проекта Т. Шанина. Мы не только его не повторяли, но находились в совершенно другой плоскости. И хотя многие методологические наработки этой группы были чрезвычайно полезны, оказалось, что стратегия и организационные структуры полевого исследования все-таки пришлось изобретать самим.

Напомним, что основные наши цели состояли в построении генеалогий семей сельских жителей и в отладке пакета программ «Генеалогист». Отсюда и особенности организации самого поля и формирования исследовательской группы.

Выбор поля и объекта. Важным шагом в организации полевого исследования является выбор зоны проведения экспедиции. Здесь и вступил в силу фактор, о котором мы упоминали выше, – финансовый. Россия – страна огромная, с разными экономическими, географическими и климатическими условиями. И сельская Россия столь же разнообразна. Конечно, было бы интересно охватить несколько регионов с различными условиями – и исследовательская картина получится более богатой, и видимо, само генеалогическое интервью будет иметь некоторые нюансы, различия, а может быть даже и существенные отличия. Но для этого требуются более значительные средства, чем те, которыми мы обладали. А поэтому было решено выбрать такой регион, куда исследовательская группа могла бы легко добраться, где она могла бы без труда передвигаться от одного населенного пункта к другому. Кроме того, регион должен быть типичным представителем сельской России: основная отрасль производства – сельское хозяйство, наличие сел и деревень, возникших в дореволюционное время и сохранивших коренное население.

Бассейн среднего и нижнего течения реки Молога (река протекает по территории Тверской, Новгородской и Вологодской областей) отвечает всем необходимым требованиям. Во-первых, – это типичная «российская глубинка», в то же время не очень удаленная от центра. Во-вторых, прежде развитый сельскохозяйственный район в 20–30-е гг. оказался в зоне усиленной индустриализации. Поэтому данная территория стала одновременно и источником, и потребителем рабочей силы. Таким образом, здесь можно наблюдать разнонаправленные потоки как территориальной, так и социальной миграции. Миграционные процессы, а также процесс индустриализации естественным образом отражались как

на динамике и характере социально-культурных изменений семьи, так и на процессах социальной мобильности.

Кроме того, Молога – удобный путь для передвижений исследовательской группы. От одного «куста» населенных пунктов до другой группа добиралась на байдарках. Деревни и села, расположенные по течению реки Молога, становились исследовательскими опорными пунктами, а их жители – нашими информантами. При такой организации экспедиции решалась, с одной стороны, проблема транспорта, а с другой стороны, проблема проживания исследовательской группы. Финансовые ограничения проекта не позволяли обустроить лагерь для проживания с привлечением наемных работников, гостиничное же обслуживание в сельской глубинке России отсутствует как явление. Поэтому исследовательская группа проживала в режиме самообслуживания – река и для этого предоставляет все возможности.

Формирование и организация работы полевой бригады.

Формирование рабочей группы – сложный и важный момент организации исследовательского процесса. Эта процедура должна учитывать все особенности проекта таким образом, чтобы состав полевой бригады по многим (очень часто противоречивым) параметрам был, по возможности, оптимальным для успешной реализации исследования.

Экспедиционный проект предусматривает наличие четко организованной исследовательской группы, где каждый участник хорошо знает и понимает свои задачи. Это должны быть ответственные люди, которые могут точно соблюдать все инструкции организаторов. Здесь нужны навыки работы в группе, навыки ведения беседы и вполне развитое критическое мышление. К тому же эти люди должны быть готовы жертвовать некоторыми личными удобствами, так как экспедиция всегда предусматривает изменение привычной среды обитания, погружение (желательно – заинтересованное) в иную среду. В реальности квалифицированную, профессиональную группу собрать очень сложно. Это всегда некий компромисс между желаемым и действительным.

Длительные экспедиции вообще редки в отечественной социологии, и навык их проведения имеют немногие, а потому и нет готовой базы интервьюеров, согласных участвовать в подобных проектах. Будущий хороший интервьюер всегда в каком-то проекте начинает работать впервые. К тому же отработка методики, наработка опыта интервьюирования, приспособление к требованиям конкретного проекта происходят по ходу проведения полевых работ и допускают возможность корректировки на всех этапах.

Мы хорошо понимали, что силами пяти основных участников нашего проекта, четверо из которых – математики и программисты, полевой этап исследования не может быть обеспечен на хорошем профессиональном уровне. И, естественно, предполагали привлечение дополнительных кадровых ресурсов. Прежде всего, за счет студентов-социологов. Примерно оценив возможный объем «выборки»¹ (необходимое и достаточное для решения и методических, и содержательных задач количество генеалогических деревьев – порядка 80-100) и специфику генеалогического опроса, было решено, что желательно привлечь к работе на полевом ее этапе, как минимум, еще 8-10 человек.

Немногие имеют возможность отправиться в экспедицию на весь летний сезон. Два с половиной – три месяца – значительный срок, и здесь необходимы либо большой творческий интерес, либо достаточно высокое вознаграждение для привлечения участников экспедиции. Поэтому мы разбили каждый летний сезон на смены – около трех недель каждая. Таким образом, предстояло сформировать три рабочих бригады численностью от 7 (минимум) до 11 (максимум) человек.

Задача осложнялась тем, что все три бригады должны были быть сформированы до начала экспедиционного сезона: каждого потенциального участника надо было познакомить с компьютерной

¹ Понятие «выборка» здесь имело достаточно условный характер. Изначально мы отнюдь не планировали проведения репрезентативного исследования.

программой, обучить работе с ней, а также стандартной технике интервьюирования с использованием современных технических средств, наконец, – ввести в курс специфики генеалогического интервью. А времени на это было не так уж много: в середине марта мы получили информацию о поддержке экспедиционного гранта со стороны РФФИ, а реально начать экспедицию мы планировали в первых числах июня, иначе оказались бы в жесточайшем цейтноте.

«Естественной» базой для формирования рабочих групп для нас служили Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, где руководитель проекта много лет читает курс «Методологии, методики и техники социологических исследований», и факультет социологии Санкт-Петербургского государственного (так называемого «Большого») университета. Привлечением студентов к этой работе мы надеялись решить две задачи: выполнить необходимый объем исследовательской работы и организовать нормальную «производственную» социологическую практику для студентов-социологов.

На приглашение принять участие в конкурсе для зачисления в полевую экспедиционную группу в обоих учебных заведениях откликнулись считанные единицы. Иными словами, идея конкурса и тщательного отбора кандидатов провалилась. И хотя, в конце концов, были укомплектованы все три бригады первого экспедиционного лета, но для этого пришлось обращаться в другие (непрофильные) вузы и даже к школьникам старших классов.

Группа интервьюеров в условиях экспедиции работала в специфическом режиме, отличном от стационарно проводимого исследования. Экспедиция с локальным проживанием группы и тесным взаимодействием в ходе работы предполагает несанкционированный обмен мнениями, передачу опыта от профессионалов новичкам. Групповая работа организуется не на основе регулярных отчетов о количестве взятых интервью, а на основе специально организованного общения членов группы друг с другом или

спонтанного обсуждения возникающих проблем, недочетов и того, что удалось, кроме того, тесное общение с руководителем проекта.

Проживание в автономном, относительно сельских поселений, лагере оказалось наиболее удобным для экспедиции. Деревни в сельской глубинке настолько разорены, что пустующие дома совершенно не приспособлены для проживания большой группы людей в течение длительного промежутка времени. В то же время, наличие в деревне незнакомцев всегда является событием для нее, а следовательно, – нарушением привычного уклада. Остановившись в деревне, мы могли оказаться и травмирующим фактором, привносящим иные условия проживания, постоянно попадались бы деревенским жителям на глаза, неизбежно обращались бы за той или иной помощью, и, таким образом, могли доставить определенные неудобства как для них, так и для себя. Мы же хотели сохранить статус исследователей, людей к которым проявлялось бы любопытство в связи с их работой, а не с образом нашей повседневной жизни. Поэтому автономность проживания исследовательской группы в полевом исследовании, видимо, – наиболее удобный вариант. К тому же режим и ритм нашей жизни зачастую не совпадал и с соответствующими параметрами жизни сельчан.

Многие из членов полевой бригады обладали совсем ничтожным – почти никаким – опытом социологических опросов: почти всему их приходилось учить по ходу экспедиции. Большую помощь здесь оказало то, что формат интервью определялся структурой компьютерной программы «*Генеалогист*». Она была и путеводителем, и способом организации собираемого материала, и моментом, к которому информанты проявляли определенное любопытство, так как видели результат работы программы на каждом этапе интервью. В этом был еще ряд несомненных достоинств: мы имели возможность оценить, насколько программа удобна в пользовании, как «ведет себя» в условиях беседы с информантом, сколько информации можно ввести в программу во время разговора и сколько работы остается интервьюеру на потом, сколько времени уходит на биографическое

интервью. В общем-то, одной из задач экспедиции и было тестирование программы, выявление ее недостатков и возможностей.

Распределение обязанностей в полевой группе. Для нашей экспедиции оптимальной оказалась группа из 11 человек, включая руководителя. Так как группа находилась на самообслуживании, то была введена система дежурств. Каждый день дежурила одна пара интервьюеров, которая обслуживала весь лагерь: приготовление пищи (завтрак, обед и ужин), мытье посуды, уборка территории, покупка продуктов и т.д. Остальные 3-4 пары работали «в поле».

Важный момент – установление рабочих контактов с главами сельских администраций. В их ведении находятся домовые, похозяйственные книги, как правило, они хорошо знают жителей населенных пунктов, входящих в состав сельского округа, поэтому их рекомендации, советы и характеристики потенциальных информантов были чрезвычайно полезны. Естественно, первые информанты определялись по рекомендации либо глав сельских администраций, либо старожилов той или иной конкретной деревни. Затем интервьюеры действовали по принципу «снежного кома», т.е. находили следующих информантов по рекомендации или советам предыдущих.

Первоначально предполагалось, что одна из пар интервьюеров будет специализироваться на сборе историко-этнографической и краеведческой информации, которая чрезвычайно ценна для понимания и интерпретации тех процессов, которые отражаются в генеалогиях и биографических данных. Однако потом было решено, что такого рода данные должны фиксировать все интервьюеры.

Одна из существенных функций руководителя экспедиции, кроме координации и общего руководства, состояла в том, что он определял маршрут и сроки передвижения группы. Именно он выезжал заранее к месту следующей дислокации, находил удобное место для базовой стоянки, вступал в контакты с местной

администрацией, договаривался о предоставлении группе помещения для стационарной работы с современной техникой.

На этапе подготовки экспедиции была разработана методика сбора первичной генеалогической информации. Памятка по сбору генеалогических и биографических данных на основе компьютерной программы «*Генеалогист*» содержала подробное описание целей, задач проекта, методологических основ работы с генеалогиями и биографическими данными. В инструкции для интервьюера была подробно расписана работа с программой и ход биографического интервью.

До начала полевого этапа работы с интервьюерами – участниками экспедиции – проводились индивидуальные беседы с целью более подробно описать задачи проекта и особенности его реализации и групповые встречи, где еще раз обсуждался проект и возможные сценарии экспедиционной работы. На этих встречах участники экспедиции знакомились и присматривались друг к другу. Проводилось обучение работе с программой «*Генеалогист*», можно было взять ее копию домой и «потренироваться» на своей семье, на семьях друзей и близких.

Первое экспедиционное лето оказалось самым трудным. Прежде всего, по причине ошибок и сбоев компьютерной программы. С одной стороны, мы этого и ожидали, а с другой, каждый сбой приводил в уныние, а подчас и в панику, молодых и еще неопытных интервьюеров. Они считали себя виноватыми в этих сбоях и очень переживали. К счастью, мы нашли выход в Интернет и наладили надежную связь с Петербургом, т.е. с разработчиком программы. Так что уже ко второй половине июля собственно сбои программы перестали нас донимать и обнаружилось более существенные ее недостатки. Интервьюеры стали обращать наше внимание на те или иные неудобства в работе с этим продуктом. Естественно, такие «дефекты» требовали более основательного осмысления и более трудоемкой работы программистов, а также дополнительной отладки. Тем не менее, некоторые элементы

интерфейса были усовершенствованы тем же летом, и третья полевая бригада работала с более «комфортной» программой.

Но дело было не только и не столько в программе. И интервьюеры, и авторы проекта в каком-то смысле находились в равном положении – осваивали новое для себя дело. В течение первого экспедиционного лета мы практиковали более или менее регулярные «разборы полетов» – поэлементное обсуждение всех аспектов ежедневной работы, включая и детали повседневного быта.

Второе экспедиционное лето было значительно легче: более трети участников второй экспедиции были участниками первой и не только приобрели определенный опыт, но и «сработались» друг с другом и стали лучше понимать смысл своей работы. Кроме того, уже практически не было сбоев программы, да и в целом она стала более удобной и более «дружественной». Таким образом, одна из задач экспедиции – отладка компьютерной программы «Генеалогист» – в основном была решена уже в первое лето. Теперь наше внимание было сосредоточено на другой, может быть, даже более сложной задаче – отработке методики самого генеалогического и биографического интервью.

Появился еще один немаловажный фактор – нас уже знали местные жители и местные власти. Второе экспедиционное лето мы начинали в тех же деревнях, в которых заканчивали работу первого экспедиционного этапа. При этом мы отнюдь не занимались «исправлением» прошлогодних ошибок. Хотя, конечно же, воспользовались случаем и «добирали» недостающую информацию по некоторым семейным кланам. К сожалению, приобретенный опыт в некотором смысле оказался «вредным»: интервьюеры начали пренебрегать практикой «разбора полетов». Анализ собранных материалов, который мы смогли провести уже после завершения второго «полевого сезона», обнаружил ряд серьезных пробелов. Чтобы разобраться с этой ситуацией, руководителю проекта уже в Петербурге пришлось обратиться к участникам экспедиции с просьбой предоставить отчеты о летней работе. Приведем все 15 вопросов, обращенных к интервьюерам.

Вопросы к интервьюерам (примерный план отчета).

1. Опишите, с чего Вы обычно начинали интервью? С каких вопросов?

2. В какой момент Вы включили компьютер и когда начинали работать?

3. Как относились к этому информанты? (описать их восприятие, их реакцию на компьютер, на диктофон, на фотоаппарат и т.п. Вообще возникали или нет какие-либо проблемы с диктофонами?)

4. В какой момент Вы начинали разговор об общих характеристиках персонажей (дата и место рождения, профессия, социальный статус и т.п.)? Или это шло «само собой» по ходу интервью и Вы специально на этом не фиксировали свое внимание?

5. Почему в целом по генеалогиям так мало событийной информации? Я полагаю, что это вообще наиболее сложная и наиболее трудоемкая часть интервью. Но почему Вы практически не вносили в файлы даты браков, разводов, начала и конца событий, связанных с обучением? Я прослушал почти все магнитофонные пленки, но и там почти нет этой информации. Почему?

6. Почему практически ни у кого из персонажей нет информации об общественной активности, даже у «записных активистов»?

7. Несмотря на мои настойчивые просьбы блок информации об изменении состава семьи персонажей также практически не наполнен информацией, особенно жаль, что отсутствуют даты событий. Почему?

Все эти «Почему?» я задаю вовсе не в порядке упрёка или претензии. Я хочу понять подъемно ли это в принципе? Я хочу понять саму механику такого рода интервью.

Кроме всего прочего, я неоднократно говорил о том, что выработка технологии такого интервью входит в число важнейших целей и задач экспедиции.

8. Насколько часто удавалось разговаривать информантов до такой степени, чтобы их приходилось «возвращать» к непосредственной теме интервью?

9. Если такое случалось, какие сюжеты (о чем?) особенно «зажигали» их?

10. Еще в прошлом году я понял, что у информантов непростые отношения с временем, в том смысле, что они вообще плохо помнят даты. Мы с Вами говорили о том, как можно помочь людям активизировать память. В частности, привязывая интересующие нас конкретные факты их биографии, к каким-либо внешним (общезначимым или локальным, местным) событиям.

Какого типа внешние события оказывались более стимулирующими: общезначимые (такие, как война, коллективизация и т.п.), местные (например, объединения или разукрупнения хозяйств, смена руководства в колхозе или совхозе, появление новых людей в деревне и т.п.), или природные стихии и явления (засухи, пожары, неурожай), или вообще сугубо лично-семейно-домашние события (например, падеж или нездоровье скота, семейные неурядицы, нездоровье или несчастья у кого-нибудь из членов семьи)?

11. Упоминались ли в ходе интервью какие-либо местные легенды, мифы, суеверия?

12. Можно ли сказать, по вашему общему впечатлению от бесед с местными жителями, что в деревне есть свои «герои» или «легендарные личности» (неважно – положительные или отрицательные)? Можете ли Вы описать таких героев по каждой из обследованных нами деревень?

13. Можете ли Вы выделить такие события, которые были бы достойны того, чтобы включить их в локальную хронологическую таблицу (Максатихинского и/или Лесного района Тверской губернии)? Хорошо было бы обозначить такие события в жесткой привязке к конкретному времени. Возможно ли это?

14. И, наконец, хотелось бы узнать Ваше отношение к той деятельности, которой Вы занимались во время экспедиции. В данном случае меня интересуют не столько Ваши эмоции, на уровне «понравилось или не понравилось», но осознание полезности

или бесполезности такого опыта, и профессионального, и житейского, осознание неизбежных или излишних трудностей и проблем.

15. И последнее, есть ли у Вас какие-либо соображения по совершенствованию организации такого рода экспедиций: в плане организации самой работы, быта, в том числе, относительно организации проживания, может быть, лучше искать стационарный постой в домах или относительно организации питания и вообще обеспечения повседневного быта, в частности, дежурств?

Естественно, отчеты интервьюеров отличались разной глубиной. Некоторые из них более или менее формально (и весьма лапидарно) отвечали на эти вопросы. Однако были и вполне релевантные поставленной методологической и методической задаче ответы. К большому сожалению, интервьюеры, может быть, в силу молодости и свойственной для нее стеснительности перед «опытом и мудростью» руководителя, не осмелились критически отнестись к самим поставленным вопросам.

Организация работы с исходными данными. Любое биографическое интервью предполагает довольно длительный контакт интервьюера с респондентом (информантом). Еще до начала экспедиции исследовательская группа выбрала следующий вариант проведения интервью: интервьюеры на месте, по ходу беседы под диктофон, составляют генеалогический файл в компьютере, демонстрируя этот процесс информанту, уточняют данные. При этом постулаты, из которых они исходят, достаточно просты:

– информант *не глупее* исследователя, к нему нельзя относиться свысока;

– информант говорит то, что считает нужным, и то, *что помнит*;

– информант никогда *не врет*.

Конечно, информант, как и любой человек, может ошибаться, может что-то перепутать или забыть. Более того, он имеет право на умолчание, а также не отвечать на какие-либо вопросы без объяснения мотива отказа.

Интервьюеры работали парами. Задача одного из них – собственно ведение интервью под диктофон, задача другого – ввод данных в компьютер по ходу беседы. Первый одновременно делал записи в блокноте о ходе интервью, какие-то пометки для себя с целью не упустить мелкие, но значимые факты или детали для последующего уточнения. Так как биографическое интервью процесс длительный, предполагающий неоднократное общение с информантом, то возникла необходимость мобильного перевода полученной информации в компьютерную программу для подготовки к следующей встрече. Как уже отмечалось, нам требовалось стационарное помещение, где бы интервьюеры могли обрабатывать полученный материал. В каждом населенном пункте руководитель исследования договаривался с местной администрацией или непосредственно с жителями о предоставлении помещения, где можно было безопасно поместить технику и проводить необходимую работу. Где-то это был жилой дом, где-то – комната в помещении самой администрации или в конторе управления сельхозпредприятия. Мы называли такое помещение «офисом».

Работа была довольно напряженной. Естественно, всю необходимую информацию ввести в компьютер во время беседы с информантами не удавалось. Поэтому рабочий день делился у интервьюеров на две части: собственно беседы с жителями, а затем работа в офисе: расшифровка фонограмм, корректировка компьютерного представления генеалогии, разработка планов и заданий для последующих визитов к информантам. Как подспорье в ведении беседы использовались фотографии, имеющиеся у респондентов, различные документы (они сканировались или ксерокопировались). По возможности, мы старались фотографировать не только самих информантов (конечно же, с их согласия), но и интерьеры жилых и хозяйственных помещений и приусадебные территории. Для создания краеведческой базы проекта использовались видеоматериалы, снятые в ходе экспедиции.

Было принято неукоснительное правило – после окончания работы с каждым информантом обязательно распечатывать

составленную генеалогию с полным списком ее персонажей, т.е. родственников, и оставлять эту распечатку информанту на память. Мы не исключали, что дети и внуки наших подчас очень пожилых собеседников могут заинтересоваться собранной нами информацией. По крайней мере, она может оказаться не только любопытной, но и полезной для них.

Вхождение в семью. Выбор семей или респондентов для интервью не представлял сложности. У нас сложились хорошие контакты с местной администрацией, которая довольно благосклонно относилась к социологам из большого города и помогала, чем могла. Надо отметить, что деревня не страдает от избытка внимания к событиям, в ней происходящим. Массовые опросы последних лет затрагивают столь незначительное количество населенных пунктов, что сельские жители по-прежнему не знают, кто такие социологи. А уж интереса к личностям сельских жителей и вовсе мало: исключением, пожалуй, является шанинский проект.

Мы имели списки всех жителей деревни, составленные с помощью похозяйственных книг, могли выбрать из них тех, кто нам более подходил по возрасту и возможности вести диалог. Дальнейший выбор респондентов в населенном пункте, как уже отмечалось, шел методом «снежного кома». Отказы встречались, но довольно редко. В целом мы столкнулись с очень благожелательным отношением к нашей работе.

Трудности возникали на стадии предварительного разговора с потенциальными респондентами, так как понятие «генеалогия семьи» очень туманно для жителя глубинки. Четко и строго сформулированный текст предварительной беседы оказался здесь совершенно бесполезным. Цель нашего визита старались излагать простым, доступным языком, избегая научных терминов. Учитывая средний возраст респондентов – около 70 лет и старше – акцент делали не на гражданской позиции или важности исследования, а на интересе самого респондента рассказать о своей жизни, что для человека преклонного возраста имеет большую ценность.

Городской житель, даже если он специально старается особо не выделяться, всегда заметен в деревне. И поэтому внимание к персонам интервьюеров было приковано сразу же, как только они появлялись на территории села или деревни. И здесь только наше доброжелательное отношение могло сохранить возможность контакта. Сельские жители, несмотря ни на какие ценностные перевероты, сохраняют привычный уклад общения друг с другом, встреч с непрошенными гостями, отношения к путнику. Мы столкнулись с теми же ритуалами общения с незнакомцем, что и участники экспедиции Т. Шанина. Это большая территориальная дистанция в разговоре с незнакомцем, чем в городе, долгое изучение личности пришедшего, просьба войти в дом и не снимать обувь при согласии на дальнейшее общение, чем выказывается большое уважение к гостю. Нас уважали и жалели как городских жителей. Угощение тем, что растет в огороде, или молоком (правда, таких крестьян, которые еще могут содержать корову или козу осталось очень мало) было обыденным явлением, отказаться от него было нельзя.

Начиналось интервью стандартно – с вопросов о возрасте респондента, точной дате его рождения, месте рождения, образовании и т.п. Особо надо отметить, что генеалогическое интервью не анонимное, оно строится на известности всех персонажей генеалогии, максимальной открытости событий их жизни и обязательной фиксации фамилий, имен и отчеств. Как показала практика, подробный разговор о самом респонденте – наиболее удачный способ начала генеалогического интервью. Это хорошая основа для завязывания разговора, создания более тесного контакта с интервьюируемым. Мы использовали и другие способы ведения интервью – пытались сначала максимально выстроить генеалогическое дерево, а потом уже перейти к подробному распросу о каждом персонаже дерева или точно следовать формату самой компьютерной программы, не углубляясь в подробности жизненного пути того или иного персонажа. Но оказалось, что в таком интервью разговор обычно с некоторой цикличностью

сбивается на личность интервьюируемого, как основного действующего лица генеалогии, от которого строится генеалогическое дерево – ведь все персонажи генеалогического дерева так или иначе связаны с ним и существуют в интервью только благодаря его воспоминаниям. Поэтому более-менее объемная первоначальная информация о нем дает возможность заинтересованно поддерживать разговор. И только через некоторое время имеет смысл перейти к вопросам сначала о родителях, затем о прауродителях, а потом уже о близких и дальних родственниках. Однако практически не удастся избежать и неминуемых повторений уже сказанного и излишней цикличности.

Особенности генеалогического интервью с сельскими жителями. То обстоятельство, что нашими информантами оказались преимущественно люди пожилого возраста, оказалось для наших молодых интервьюеров очень благоприятным. Действительно, люди пожилого возраста в биографическом интервью охотно открываются перед молодыми людьми, видимо, личностно воспринимая это за интерес молодого поколения к их опыту. Однако надо заметить, что чем младше респонденты, чем они более активны в жизни, например, еще продолжают работать, или активно ведут домашнее сельское хозяйство, тем более такое открытое общение затруднено. С одной стороны, нехватка свободного времени для беседы регламентирует ход и продолжительность интервью, с другой стороны, с такими респондентами, видимо, уже необходим разговор на равных. Поэтому хорошо, чтобы среди интервьюеров были люди среднего возраста, имеющие большой жизненный опыт и возможность оценить трудности, с которыми сталкиваются сейчас активно включенные в жизнь респонденты. В группах интервьюеров, участвовавших в нашей экспедиции, были и студенты, и работающие люди, было даже две семейных пары (правда, в разных сменах).

По экспедициям, проводимым под руководством Т. Шанина, мы знаем, что семейная пара интервьюеров более органично

воспринимается сельскими респондентами, как нечто традиционное, естественное и значимое – люди уже достигли кое-чего в своей жизни (работа, семья, дети). К сожалению, нам не удалось провести сравнительного изучения, как каждый тип интервьюеров взаимодействует с разными типами респондентов. Собственно, мы такой задачи и не ставили, хотя это очень важный момент для сельских опросов, основанных на методе глубинного интервью.

Одна из существенных особенностей генеалогического интервью состоит, на наш взгляд, в том, что здесь так называемые «третьи лица» не только не являются «возмущающим и искажающим фактором», но, напротив, весьма желательны. Третьи лица стимулируют и облегчают воспоминания, делают, подчас, эти воспоминания и более яркими, и более точными.

Вообще нельзя сказать, что у наших экспедиционных групп возникали какие-то сложности в общении с сельскими жителями. Нас принимали радушно и приветливо. Сложно также выделить факторы, которые сыграли здесь решающую роль. Различие между городским и сельским образом жизни значительное, и главное, что нас волновало, – это взаимодействие разных культур. Нам кажется, что положительную роль сыграли несколько моментов. Как уже указывалось выше, мы жили лагерем недалеко от населенных пунктов, но не в них. И сознательно выбрали такой способ проживания, чтобы не вмешиваться в ход жизни наших респондентов своим постоянным присутствием. Мы старались как можно деликатнее войти в их жизнь, и помимо работы или покупки продуктов в населенных пунктах не появлялись. Наш походный образ жизни предполагал и соответствующий внешний вид – одежды мы были отнюдь не с иголки. Еще один важный фактор – река Молога, наша транспортная артерия, это традиционный туристический облегченный маршрут для любителей езды на байдарках. Но, видимо, для сельских жителей, знающих многое о туристах, мы выгодно от них отличались – мы были не праздными отдыхающими, не заезжими москвичами или питерцами, мы

работали. И хотя суть нашей работы была для местных жителей и не вполне ясна, но к работающему человеку на селе всегда относятся с уважением.

Интервью «под ноутбук». Структура программы «Генеалогист» позволяет вести генеалогическое интервью по нескольким направлениям: от персонажей, от событий и от периодов времени. Вся получаемая информация фиксируется в соответствующих ячейках программы, и всегда существует возможность проверить наличие и полноту информации в том или ином поле по тому или иному персонажу, событию и периоду времени жизни персонажа. Это является подспорьем для организации воспоминаний респондентов и ориентиром для интервьюера в ходе генеалогического интервью. Здесь возможны повторения, но они только помогают вспомнить упущенные детали или даже существенные моменты, которые по той или иной причине не были выявлены раньше.

Хотя компьютерная программа задает режим работы с респондентом, само генеалогическое интервью довольно сложно организовано. Практически невозможно по ходу интервью следовать логике компьютера – персонаж, все события его жизни, следующий персонаж, все события его жизни и т.д. Память респондентов ассоциативна, персонажи генеалогии респондента появляются не «в строгом порядке», как хотелось бы интервьюеру, – родители, прародители, затем братья и сестры и т.п., – а исходя из собственной логики воспоминаний. Информант может охотно и много рассказывать о родном брате, и при этом пропустить сестру, которая рано вышла замуж и уехала в другой населенный пункт и с которой почти прервались связи, и вспомнить о ее существовании не в момент перечисления ближайших родственников, а значительно позже, неожиданно, под воздействием какого-то другого события. Внешне разговор выглядит запутанным, беседа часто перескакивает от одних персонажей или событий к другим, часто приходится возвращаться назад. Параллельно идет огромный

объем фактологической информации – имена и фамилии, даты и места рождений, года и события, которые сразу же необходимо ввести в компьютер, иначе ход беседы затормозится. Именно из-за технической сложности такого рода интервью продолжительность «разового сеанса» одной беседы составляла не более двух часов. Необходимо было время, чтобы перенести зафиксированную на диктофоне информацию в компьютер, отметить белые пятна недополученной информации, подготовиться к следующей беседе. Таким образом, генеалогическое интервью представляет собой интервью, состоящее из нескольких итераций – беседа с респондентом, обработка первой части беседы, снова встреча с респондентом, обработка новой информации и т.д. до тех пор пока генеалогия не будет составлена полностью или настолько, насколько позволяет память респондента.

Необходимость постоянного общения с техникой в ходе интервью для респондентов особых сложностей не вызывала. Правда, получив согласие на интервью и войдя в дом, часто приходилось еще раз объяснять кто мы, что мы хотим, и представлять всю принесенную с собой аппаратуру респондентам. Отказов от использования компьютера или диктофона не было, просто с разной степенью быстроты респонденты на это соглашались – было некоторое недоверие к такой «невиданной» технике. Поэтому до начала интервью мы подключали компьютер, показывали, как он работает, объясняли, что электроэнергии он потребляет мало (этот вопрос особо волновал наших респондентов, жители российской глубинки очень бедны для свободной траты электроэнергии), показывали пример какой-нибудь генеалогии, само дерево, как оно выглядит. Объясняли, кто из интервьюеров будет вести беседу, а кто работать с компьютером, вводить в него информацию и сразу же «рисовать» генеалогическое дерево. Надо отметить, что к технике наши пожилые информанты привыкали очень быстро, искренне удивлялись тому уровню технического прогресса, которого он достиг, и радовались, что мы, молодые люди, умеем работать с

такой сложной техникой. Многие даже проявляли некоторую степень любопытства к техническим новшествам, просили немного рассказать, как это все работает, отмечали, что были бы они помоложе, то тоже смогли бы освоить такие приборы.

Однако для интервьюера, работающего с компьютером, беседа создавала определенные проблемы – это, во-первых, высокая скорость самой разговорной речи респондента и основного интервьюера. Во-вторых, большой поток информации, обязательной для немедленного ввода в компьютер. Поэтому интервью периодически возвращалось назад и по просьбе интервьюеров, чтобы успеть ввести в компьютер хотя бы необходимый минимум фактов. Поэтому же параллельно в ходе беседы основной интервьюер делал необходимые записи в блокноте, так как зачастую полагаться только на компьютер было нельзя. Собственно, основной задачей интервьюера, работающего с компьютером, было создание по ходу интервью канвы генеалогического дерева, что позволяло сразу же выяснять текущие неточности, возникающие в ходе интервью, и в конце каждой итерации интервью показать респонденту итог работы с ним. В-третьих, огромная путаница возникала в именах и отчествах персонажей генеалогического дерева – в деревнях до сих пор по традиции внуков и внучек называют в честь дедушек и бабушек, и в генеалогическом дереве появляются многочисленные персонажи, схожие по фамилиям, именам и отчествам.

Фотографии и документы. Отдельно хотелось бы подчеркнуть роль фотографий и документов в генеалогическом интервью – это значимый элемент любого биографического интервью. При составлении генеалогии он имеет особую ценность. Общение по поводу фотографий помогает информантам припомнить значимые события, действующих лиц из родственников, вспомнить и забытых родственников, даже тех, которых на фотографии нет, но снимок может подтолкнуть к воспоминаниям о них. Такое общение дает возможность вспомнить выпавшие из внимания

события, часто просто по аналогии, приоткрыть многие вещи, происходившие в семье, но забытые со временем, помогает лучше датировать время событий и место – до или после фотографии (часто на снимках присутствуют даты, записи о месте съемки и участниках). Обычно наши респонденты охотно соглашались на такой тип беседы, однако его лучше использовать уже во вторую или третью встречу с информантами, когда контакт с ними установлен, когда интервьюер уже хорошо знаком, уже почти «свой» и ему доверяют больше, говорят уже не «как надо», а «как думают». Разговоры о фотографиях – это более интимный тип общения. Во вторую и последующие встречи сами интервьюеры лучше ориентируются в генеалогии семьи, в массе родственников и событий, с ними происходящих. Поэтому каждая обсуждаемая фотография становится понятной и для интервьюера, соотносимой с уже известной информацией. Она может подтолкнуть к каким-то дополнительным вопросам. Изучение фотографий при первой встрече с респондентом скорее будет похоже на рассматривание альбома с семейными фотографиями из вежливости в незнакомом доме.

События в биографии. Событийная канва генеалогического интервью в компьютерной программе имеет заранее установленную структуру. В ходе интервью особый акцент делается на событиях, которые происходили с персонажами генеалогического дерева. Основные блоки программы – рождение и место рождения, образование, время и место его получения, работа, период и место работы, миграции, семейные изменения, родственные связи. Все это в ходе интервью обрастает огромным количеством комментариев, где проявляются причины, контекст, канва того или иного поступка или события. Оказалось, что вести беседу без углубления в факты жизни респондента и его родственников невозможно. Только подробное биографическое интервью, сопутствующее генеалогическому, дает возможность вспомнить те или иные события, тех или иных персонажей генеалогии. Всю

дополнительную информацию, которая не могла быть отражена в ячейках программы «Генеалогист», мы записывали в специально организованные блоки комментариев, сопутствующие каждой ячейке программы. Комментарии оказались настолько интересными и дополняющими общую картину, что по ходу экспедиции было принято решение расширить их возможности по сравнению с первоначально задуманными. В противном случае фактологическая сторона программы оказывалась не насыщенной пояснениями.

Известно, любое интервью оказывается более успешным, а полученная в нем информация более качественной и надежной, если респонденту **интересен сам предмет** беседы, если этот предмет и психологически и социально близок ему. Другой важный фактор успешности интервью – понимание респондентом мотивов, целей и задач исследователя и признание им этих задач и затрачиваемых на них усилий, заслуживающих внимания. Именно поэтому мы старались довести до сознания интервьюеров задачи проекта и настоятельно рекомендовали им объяснять информантам, почему мы интересуемся генеалогиями и биографиями простых людей.

Одна из самых важных проблем, с которой мы столкнулись на первых этапах экспедиций, – это фрагментарность и неполнота информации. И хотя мы знали, что нам придется столкнуться с абберациями восприятия и памяти людей, сложность этой ситуации мы явно недооценивали. Конечно, определенные трудности объяснялись тем, что основными исполнителями проекта на этом этапе были студенты. Тем не менее, мы отнюдь не считали ситуацию безысходной.

Особенности памяти респондентов. Трехлетний цикл работы в сельской местности нас вплотную столкнул с проблемой памяти респондентов. Эту проблему мы не прорабатывали заранее, но она возникла в первых же интервью и проявилась в нескольких плоскостях. Большинство наших респондентов катастрофически не помнили дат, даже если они относились к самым

главным, определяющим событиям их жизни. Из интервью практически полностью выпали отдельные блоки, касающиеся общественной жизни на селе – респонденты не желали говорить на эту тему, т.е. прямых отказов вроде бы не было, но сообщаемые факты были столь скудны, что возникало ощущение явного, но не озвученного нежелания что-то вспоминать из проявлений общественной активности.

Многие, казалось бы, важные факты своей биографии и биографии ближайших родственников также оказывались забытыми, не говоря уже о фамилиях и именах персонажей генеалогического дерева. В этом случае возникали очень сложные коллизии. Если упоминались предки уровня прародителей, то часто могли отсутствовать и отчества и фамилии, респонденты помнили родственников такого уровня только по именам. С одной стороны, многие из респондентов видели их лишь в детстве и помнили именно как бабушку или дедушку, и это обращение сохранилось как элемент детского восприятия. С другой стороны, память о многих из них почти утрачена и сохранилось только имя. То же самое относится и к дальним родственникам. Про кого-то наши респонденты знают лишь то, что он или она существовали или существуют. Самое большое, что известно, – это имя. Отчество и фамилию такого персонажа часто «вычисляли» уже сами интервьюеры, если были известны имя и фамилия отца, при этом сам респондент отчество и фамилию интересующего нас персонажа помнил не всегда. Может быть, для чистоты эксперимента стоило именовать в генеалогии персонажей так, как они упоминались респондентом. Однако мы решили, что нашей целью является не проверка и регистрация уровня памяти информантов, а сбор и фиксация генеалогий. Поэтому то, что недосказал респондент, но мы могли вывести сами, мы самостоятельно включали в генеалогию. Тем более, что готовый вариант генеалогии оставался в пользовании респондента, мог пригодиться ему или его родственникам.

Наши попытки помочь людям активизировать память не всегда приводили к успеху. Процедура такой активизации известна. В интервью можно попытаться привязать интересующие факты биографии респондентов к каким-либо внешним (общезначимым или локальным, местным) событиям, таким как, скажем, война, коллективизация, выдача паспортов, объединения или разукрупнения хозяйств, смена руководства в колхозе или совхозе, появление новых людей в деревне и т.п. или к стихийным природным явлениям, запомнившимся на селе – засуха, пожар, неурожай. Стимулятором памяти является и попытка связать событийную канву жизни с сугубо лично-семейно-домашними событиями, например, падеж или нездоровье скота, семейные неурядицы, нездоровье или несчастья у кого-то из членов семьи. Однако привязка событий биографии к внешним событиям никоим образом не позволяла нашим респондентам лучше ориентироваться во времени. События своей жизни чаще соотносились не с конкретными датами или историческими (общезначимыми) событиями, а с периодом времени – 40-е, 50-е, 60-е гг. и т.д. (и даже здесь они умудрялись путать 40-е и 50-е гг.), однако точную дату личного события установить все равно не удавалось.

Все зафиксированные в генеалогии события так или иначе значимы для наших респондентов, однако они не всегда помогают выстраивать цепочку воспоминаний. Самым значимым фактором оказалась война, так как наши респонденты ее очень хорошо помнили и многие события в их жизни и в жизни родственников были с ней связаны. Организация воспоминаний о том или ином персонаже или событии, отталкиваясь от периода войны, была самой информативной.

Значимыми явились объединения и разукрупнения хозяйств, особенно ликвидация малых деревень и хуторов, которых в Тверской губернии было множество. Здесь значимость внешнего события связана в первую очередь с обыденной жизнью – изменились условия работы, деревня респондентов оказалась забытой,

заброшенной, пришлось переезжать на центральную усадьбу. Соответственно, многие события биографии респондентов и их родственников были связаны с этим фактором.

Ряд авторов [4] также отмечают, что респонденты не могли вспомнить даты, события, имена, даже какие-то факты своей биографии. Они объясняют это тем, что память имеет как бы два уровня. Помимо индивидуальных особенностей памяти существуют еще социальные причины, влияющие на объем и качество памяти. Есть факты биографии, которые сопровождались сильными эмоциями, и они не могут забыться, а есть события, которые были обычными, рядовыми для крестьян вообще или для данного поколения и т.д.

Многие эмоционально окрашенные события жизни помогали активизировать другие воспоминания. Например, одна пожилая респондентка очень живо помнила, как в молодости ее застала в лесу сильная, опасная для жизни, гроза. И ей пришлось ничком лечь на землю, буквально распластаться по земле, чтобы гроза ее «не заметила». Само воспоминание было столь ярким, что параллельно с ним всплыл факт беременности респондентки в этот период времени, и от него стало возможным выйти к дате рождения ее ребенка. Личные эмоциональные переживания – собственная свадьба, рождение детей, появление новой коровы, переезд детей, смерть родителей и т.д. – часто оказывались катализаторами для организации воспоминаний не только собственной биографии, но и жизни своих родственников, далеких или близких.

Что важно, что неважно. Проблема умолчаний. При анализе второго уровня памяти можно отметить, что жизнь крестьянина устроена иначе, чем городского жителя – здесь даты событий не являются, видимо, ключевыми моментами для запоминания. Жизнь в деревне течет не от даты к дате – она не является настолько важной, чтобы ее было необходимо запомнить, важны сами события. А маркерами для воспоминания того или иного события могут стать и случайности – неожиданно найденная

фотография, упоминание какого-то персонажа жизни или генеалогии, который ассоциируется с данным событием, или даже датой и т.д. Например, дату собственной свадьбы и рождения первого ребенка семья наших респондентов вспомнила только по цепочке – отъезд сестры на заработки в крупный сибирский город, ее свадьба там, потом респонденты ездили к сестре на серебряный юбилей свадьбы, затем они вспоминают, что своя была за два года до ее свадьбы.

Социальная активность также оказалась почти полностью исключенной из наших интервью. Разговор на эту тему шел как-то вяло и большого материала мы здесь не собрали. Складывалось впечатление, будто советской власти в обследуемых нами селах и деревнях почти что не было. Она скорее присутствовала как фактор внешнего давления – тяжелая работа в колхозе и все события, связанные с ней. Общественная жизнь как фактор объединения жителей села в интервью почему-то не проявлялась. На вопросы об активистах или партийных лидерах в деревне, собственном участии в партийной жизни или участии в ней кого-то из родственников мы получали очень расплывчатые ответы. Например, «в партии состояла, супруг тоже, что-то он там участвовал в собраниях, да я и не знаю». Вроде и активистов не было, и с партией никто не дружил. Среди респондентов мы не встретили заядлых коммунистов, таких, кто бы очень гордился заслугами партии или своими заслугами в участии в партийной и общественной жизни. Скорее даже, наши респонденты старались не распространяться на эту тему, замалчивали эту информацию. В одном из интервью респондентка проговорила о том, что отец был председателем колхоза, но дальнейшие расспросы на эту тему проигнорировала и постаралась беседу перевести на другую тему. Возможно, что общественная жизнь была частью общей трудовой деятельности и провести четкую границу между партийной работой и постоянной «битвой за урожай» нашим респондентам не так-то легко. С другой стороны, вероятно, членство в партии на селе

было очень формальным. Это скорее была необходимость, которая никак не отражалась в сознании сельских жителей.

Про праздники нам тоже почти ничего не рассказывали, кроме тех случаев, когда мы специально начинали обсуждать этот вопрос. Складывалось ощущение, будто этих праздников в деревне и не было. Только работа, тяжелая работа. Советские праздники в деревнях, конечно же, отмечали. Респонденты помнили, что делалось это с большим размахом и весело, но все это в большей степени относилось к 30-м гг., при этом отмечались и основные религиозные праздники. Про праздники в послевоенное время никто не вспоминал.

Возможно, что 30-е гг. – это время молодости наших респондентов, и любой праздник, даже самый официозный, воспринимается тогда совсем иначе. Возможно, что в деревнях официальные праздники сочетались с деревенскими традициями и праздничными обрядами и наполнялись иным смыслом, чем в городах, включались в систему повседневной крестьянской жизни и не выделялись как события, достойные упоминания, и уж во всяком случае, не стоящие особого рассказа.

А вот детские воспоминания проявляются сразу, они оказываются наиболее яркими. Например, как тяжело было ходить в школу за много километров от своей деревни. Видимо, это было важным как опыт преодоления себя, воспитания и возмужания. Или какие-то случаи в лесу, при уборке урожая и т.д. Воспоминания о любимых бабушках и дедушках, иногда с массой подробностей, даже таких, которые узнали уже позже, будучи взрослыми. Это становится значимым для наших респондентов в биографическом интервью – события личного опыта развития, становления как личности, а вовсе не события, привнесенные извне, навязанные социальным. Может быть, для крестьянина по-прежнему значимым оставался опыт развития себя и общения с природой, а не навязанный стиль общения с социумом. Многие исследователи говорят о том, что и до сих пор мир крестьянина почти остался прежним,

его не смогли в значительной степени разрушить многолетние эксперименты по реформированию сельского хозяйства. Общинность и традиционные сельские ценности зачастую существуют почти нетронутыми или только надломленными. Тогда понятно, почему воспоминания столь личностны, а социальное, не присущее крестьянскому быту, всплывает только по наводке или прямой просьбе вспомнить именно то-то и то-то (был ли кто-нибудь партийным и т.д.).

Многие события жизни нашим респондентам кажутся неважными для упоминания, о них умалчивают, и лишь случайности позволяют им проявиться в биографическом интервью. Возможно, крестьянин вообще по-иному воспринимает «событие» в своей жизни. В интервью мы часто слышали: «а, какие у нас события», «какие могли быть события». «Мы работали, все время работали, жизнь была безрадостная и бедная». «Да что говорить про нашу жизнь – она была тяжелой, мы трудились». Сама судьба крестьянина не воспринимается как явление, наполненное событиями. Не то, чтобы она однообразна и скучна, но она естественна для крестьянина – так жили его деды и прадеды. Все, что происходит в жизни, крестьянин воспринимает не через понятие «события», а скорее через понятие традиции. Факты, нарушающие эту традицию, вероятно, и есть события. Поэтому лучше помнят, кто из родственников уехал из деревни, куда ездили сами (даже если это было во время войны на окопы в другой район области или уже в пожилом возрасте в районную больницу), чем события колхозно-совхозной повседневности или естественные для крестьянина события личной жизни (свадьбы, рождения детей и т.д.).

Событием внутри деревни становится явление, выходящее за рамки общепринятого, вторгающееся в ритм ее жизни. Например, в одном из интервью нам рассказали о том, что в деревне некоторое время жил фотограф-любитель, который много фотографировал односельчан. Это оказалось столь волнующим воспоминанием, что оно всплыло как-то сразу в беседе с пожилой респонденткой.

В то же время, вероятно, прожитая жизнь не была для наших респондентов такой уж благополучной. И это создает скрытое, подсознательное нежелание подробно вспоминать ее, а уж тем более анализировать, да и просто обращаться в свое прошлое. Такое обращение провоцирует именно интервьюер. Но память – вещь коварная, погрузившись в нее, так или иначе, приходится оценивать это самое прошлое. А если оно оказалось не таким, как хотелось? Видимо, поэтому возникает желание отодвинуть свои воспоминания, дистанцироваться от них. Тогда объясним тот факт, что воспоминания о событиях дореволюционных, а большинство наших респондентов в это время были совсем маленькими детьми, отличаются большей целостностью, чем воспоминания о советских 30–60-х гг., т.е. днях активной взрослой жизни. И это не только возрастной фактор памяти – ведь детство помнится в гораздо меньшей степени, чем молодость, но и фактор избегания неприятных воспоминаний. Дореволюционное время для крестьян было более предсказуемым, их повседневная жизнь в меньшей степени зависела от внешних воздействий, если исключить природные явления. А вот послереволюционное время респондентам уже тяжело вспоминать и поэтому менее значимые или, наоборот, наиболее трагичные фрагменты своей жизни они стараются опускать. И только как бы проговорившись в беседе, вынуждены более подробно их описывать.

Удивительным оказалось то, что со стороны наших респондентов мы не наблюдали и намека на приукрашивание своего прошлого – они очень трезво оценивали прожитую жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Божков О.Б.* Биографии и генеалогии: ретроспективы социально-культурных трансформаций // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 74–87.
2. *Божков О.Б.* Генеалогии и биографические данные: уроки генеалогических экспедиций // Чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя: биографии XX века: Биографический метод в социальных и исторических науках. Санкт-Петербург, 18-19 апреля 2003 г. СПб., 2004. С. 40–52.

3. *Божков О.Б., Козлов Г.А., Сивашинский С.В.* Алгебраический метод сравнения генеалогических схем // Социология: методология, методы, математические методы. 2002. № 15. С. 158–178.

4. *Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.